

А. А. ЗИМИН

ОТПУСК ХОЛОПОВ НА ВОЛЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Впервые в советской историографии четко сформулировал представление о судьбах холопства в России XIV—XV вв. Б. Д. Греков. Он писал, что «князья или бояре перед смертью массами отпускали своих холопов». В результате этого «в XV в. княжеское и боярское холоповладение вне всяких сомнений сокращается».¹ Этот процесс Б. Д. Греков объяснял постепенным изживанием рабства, начавшимся еще в Киевской Руси.

Итак, в XIV—XV вв., по Б. Д. Грекову, происходит процесс изживания холопства на Руси. Впрочем, бросается в глаза слабость документальной базы, на которую опирается этот вывод.

Наиболее яркое доказательство тезиса Б. Д. Грекова можно было бы найти в свидетельстве С. Герберштейна, дважды в первой четверти XVI в. побывавшего на Руси. Имперский посол писал в своих Записках о России: «Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ибо перед смертью господ, в огромном большинстве случаев, отпускают известных рабов на волю, по эти последние тотчас за деньги отдают себя в рабство другим господам».² Сведения, надо сказать, темное. Что значит «известных рабов» (*certos servos*)? Возможно, в данном случае речь только о верхушке холопов (слуг). Да и сам Б. Д. Греков пишет о приведенных словах Герберштейна: «Все эти рассуждения — сплошное недоразумение, результат полного и несомненно предвзятого непонимания самой сути общественных отношений

---

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II. Изд. 2. М., 1954, стр. 26; о том же см. в кн.: Очерки истории СССР. IX—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 55. — Сходную мысль высказывал и С. В. Бахрушин, считавший, что в XV в. «княжеское рабовладение сильно сократилось» (С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 39).

² С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 74.

не только в России, но и во всякой другой феодальной стране».³ Подметив факт отпуска на свободу холопов после смерти господ, Герберштейн неверно объяснил и его причины и степень его распространения.

Б. Д. Греков приводит еще шесть доказательств своего тезиса. Но три из них взяты из публицистики середины XVI в. (Сильвестр, Башкин, Пересветов) и не имеют убедительной силы для характеристики социальных явлений конца XV в. Наконец, автор упоминает о трех духовных грамотах, содержащих сведения об отпуске всех холопов на свободу. Две из них принадлежали княгиням-вдовам, у которых в момент составления завещаний не было детей мужского пола, чем и можно объяснить их распоряжение об отпуске «полных людей» на свободу. Об одном завещании (Василия I) мы еще будем говорить особо.

Итак, Б. Д. Греков не привел сколько-нибудь убедительных доказательств тезиса о «массовом отпуске» холопов на свободу в конце XV в.

Гораздо более реалистичны наблюдения Л. В. Черепнина. Обратившись к духовным грамотам XV в., Л. В. Черепнин пишет, что «духовные грамоты светских феодалов не позволяют сделать вывод о массовом отпуске землевладельцами холопов на волю».⁴ Это глубоко верное наблюдение.⁵

Л. В. Черепнин предлагает своеобразную интерпретацию великокняжеских и удельнокняжеских завещаний XIV—XV вв. Он исходит из того, что в большинстве этих документов содержатся сведения об отпуске всех холопов. Но «совершенно невозможно представить себе дело таким образом, что каждый князь отпускал на волю перед своей смертью всех холопов... а его преемник заново заводил весь административный персонал и всю дворню». Поэтому Л. В. Черепнин считает, что со второй половины XIV в. в княжеских дворцовых землях «вырабатывается общий статус о пожизненности холопства до смерти холоповладельца». Это не означало, что все холопы действительно покидали своих господ. Речь шла о том, что «после смерти того или иного князя, согласно завещанию, совершался пересмотр взаимоотношений между несвободными „людьми“ (юридически получившими волю) и его наследниками».⁶

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II, стр. 30.

⁴ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 260.

⁵ В общей форме этот тезис повторил недавно и А. П. Пьянков: «...нет оснований говорить, что в это время холопство отмирает» (А. П. Пьянков. Холопство на Руси до образования централизованного государства. Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.), М., 1965, стр. 22).

⁶ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 260.

Обратимся теперь к завещаниям XIV—XV вв. как к важнейшему источнику по истории холопства этого времени, с тем чтобы попытаться решить вопрос об отпуске холопов на свободу, поставленный в историографии. Начнем с завещаний великих и удельных князей.

В самой старой из сохранившихся великокняжеских духовных Иван Калита (около 1327 г.) писал: «А что мои люди куплены в великом свертце, а тыми ся поделять сынове мои». О других категориях холопов Калита как будто молчит. Правда, он упоминает своих «бортников и оброчников купленных, которые в когрой росписи».⁷ В. О. Ключевский считает, что речь идет о «холопах, посаженных на оброк» (одно завещание 1563 г. знает «у людей деловых оброчной животины»)⁸ Однако Б. Д. Греков называет их «людьми, вступившими в частную зависимость к богатому человеку и сидящими на оброке».⁹ Возможно, перед нами категория населения, близкого к делюям. Завещание Калиты ничего не говорит об отпуске «людей» на свободу. Первое сведение об этом явлении содержится в духовной вел. князя Семена Ивановича (1353 г.): «А что моих людей деловых, или кого буде прикупил, или хто ми ся будет в вине достал, тако же мои тиуны и поселские, и ключники и старосты, или хто ся будет у тех людей женил, всем тем людем дал есмь волю, куды им любо. А братье моей, ни моей княгине, те люди не надобны».¹⁰

Итак, обе группы холопов — «деловые люди» и «тиуны» — отпускались на свободу. Холопами становились и по суду («в вине»), в частности воры, которые не могли возместить ущерб за украденное (ст. 10 Судебника 1497 г. — «выдать в его гибели головою»; ср. в уставной Двинской грамоте 1397—1398 гг. — «тата впервые продати противу поличного»).

Со времени духовной Ивана Калиты до времени духовной Семена Ивановича прошло примерно четверть века. Если отец князя Семена ничего не писал об отпуске холопов на волю, то после смерти самого Семена все его «люди» получили свободу. Столь большая разница в распоряжении своей челядью объясняется очень просто: у князя Семена не было сыновей, а поэтому, в соответствии с принятым обычаем, он и дал свободу своей челяди. Это дело было богоугодным и соответствовало вкладам на помин души: ведь в монастыри передавалась вся земля только тогда, когда у вкладчика не было наследника мужского пола. Если же у землевладельца были дети, то в монастыри попадала обычно

⁷ ДДГ, № 1, стр. 8, ср. стр. 10.

⁸ В. О. Ключевский, Сочинения, т. VII, М., 1959, стр. 371.

⁹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, М., 1952, стр. 517—518. — Села «с оброчники» упоминаются в ряде духовных (ДДГ, №№ 4, 17). В договорных грамотах есть формула: «ни закладив ти, ни оброчников не держати» (ДДГ, №№ 5, 13, 27, 45, 56, 58).

¹⁰ ДДГ, № 3, стр. 14.

небольшая часть вотчины. Порядок этот вполне соответствовал отпуску на свободу нескольких холопов (если были наследники мужского пола) или всех (когда наследников не было).

Но вот около 1356 г. завещание составляет брат князя Семена Ивановича, Иван. Своих холопов он отпускает на волю: «А хто будет моих казначеев и тивунов, и посельских или хто будет моих дьяков, что будет от мене ведали прибыток ли который, или хто будет у тых женился, те люди не надобни моим детем, ни моей княгини, дал есмь им волю. Тако же хто будет моих людей полных, купленных, грамотных, дал есмь им свободу, куды им любо. А детем моим не надобны, ни моей княгини».¹¹ В грамоте уже впервые находим четкую формулу состава княжеской администрации, которая пройдет сквозь всю половину XIV и XV в.: перед нами зарождающийся дворцовый аппарат, который находится в руках несвободных слуг. Это казначей и дьяки, ведающие прибытком князя, а также его многочисленные слуги — тивуны и посельские, осуществляющие власть в княжеских селах. О ключниках и старостах князь Иван, в отличие от своего брата, уже молчит. Они, очевидно, покрываются понятием «тиунов» и «посельских». Отныне в духовных грамотах «ключники» и «старосты» исчезают.

Раздел о низшей группе холопов резко выделен и четко сформулирован: все эти «люди» объединяются происхождением (полные, купленные, грамотные), а не каким-либо видом деятельности, как ранее. У князя Ивана, умершего в 1359 г., ко времени составления духовной было два малолетних сына: Дмитрий (родился в 1350 г.) и Иван. Вероятно, в силу того что наследники великого князя были еще малолетними и не обладали собственной администрацией, а правительницей должна была быть их мать, княгиня Марья, у которой был свой штат слуг, Иван Иванович распустил на свободу всех своих «людей».

Иначе поступил его сын Дмитрий Иванович. В первой духовной (около 1373 г.) весь тиунский аппарат передается старшему сыну Василию: «А что моих казначеев или посельских и тивунов и деяков, хто что от мене ведали, те все сыну моему, князю Василью, ни моей княгини, ни моим детем не надобны». На свободу Дмитрий отпускал только часть своих «людей» — купленных холопов: «А что моих людей купленных, а тым дал есмь свободу, а сын мой, князь Василий, и моя княгини, ни мои дети не принимают их».¹²

Во второй духовной Дмитрия Донского (1389 г.) картина совсем обратная. На свободу отпускается именно верхушка холопов: «А хто будет моих казначеев, или хто будет моих дьяков прибыток мой от мене ведал, или посельских, или тиунов, или хто же-

¹¹ Там же, № 4, стр. 17, 19.

¹² Там же, № 8, стр. 25.

нились у тех, те все не надобе моей княгине и моим детем».¹³ О «купленных» или «деловых» людях Дмитрий Донской не упоминает вовсе. Формула второй грамоты Дмитрия в дальнейшем перейдет в другие завещания великих князей московских. Ее появление объясняется теми серьезными сдвигами, которые происходили в великокняжеском дворцовом аппарате. Постепенно княжеские слуги приобретали все большее влияние, и отличие их от основной массы «людей» неизмеримо возросло. Отпуск их на свободу был теперь не только актом благодарности или «богоугодным делом» — завещанием, а юридическим оформлением их реального положения. Этого мало. Наряду с ключниками-холопами в княжеских духовных появляются уже ключники «некупленные», т. е. свободные.¹⁴

Сын Дмитрия Донского, Василий I, оставил после себя три завещания. В первом (1406 г.) по интересующему нас вопросу сообщалось: «А хто моих казначеев или тивунов или дьяки прибыток мой ведали, или посельский или ключники или хто холопов моих купленных, или што есм у Федора у Свибла отоимал, тех всех пуцаю на слободу и с женами и с детьми, не надобны моему сыну и моей княгине. А княгине моей те люди, што есм ей подавал при своем животе, и грамоты полные тех людей у нее».¹⁵ Первая часть формулы близка ко второму завещанию князя Дмитрия Ивановича.¹⁶ Самое существенное здесь — это оговорка о том, что «полные люди» (с грамотами), которых еще при жизни Дмитрий выделил своей жене, остаются в ее владении. На волю, кроме «тивунов» разного рода, отпускаются только «купленные» люди и отнятые у Федора Свибла. В данном случае не столь важно, покрывало ли понятие «купленных» людей всех холопов великого князя, не переданных при жизни его жене, или имелись в виду купленные в узком смысле этого слова. Существенно то, что свободу по завещанию Василия I должны были получить далеко не все его «люди».

Во втором завещании (1419/20 г.) Василий I писал: «А холопы, которые есм подавал своей княгине при своем животе, те ей и есть. Да даст моя княгини моим дочерем из моих холопов по пяти семей, а опроче того вси холопы мои на слободу и с женами и с детьми».¹⁷ Это распоряжение как бы уточняет первое, вносит в него некоторые коррективы. Холопы, переданные ранее княгине,

¹³ Там же, № 12, стр. 36.

¹⁴ Там же, № 17, стр. 50 (1400—1408 гг.).

¹⁵ Там же, № 20, стр. 57.

¹⁶ Кроме замечания о холопах Федора Свибла, упомянуты дополнительно «ключники», «холопы купленные» и говорится прямо, что они отпускаются «на слободу», зато отсутствует оговорка о женах («хто женился у тех»). Сыну Ивану в это время было примерно десять лет, и он должен был находиться как бы под коллективной опекой кн. Владимира Андреевича и братьев Дмитрия Донского.

¹⁷ ДДГ, № 21, стр. 59.

остаются за нею. Но из тех «людей», которые ранее должны были получить свободу, по пяти семей выделялось дочерям князя. Ту же самую формулу содержала и третья духовная Василия I (1423 г.).¹⁸

Завещание Василия II (1461/62 г.) возвращает нас целиком к формулировке, содержащейся во второй духовной Дмитрия Донского: «А хто будет моих казначеев или хто моих дьяков прибыток мой от мене ведали, или поселских или тиунов, или хто женился у тех, ино те все не надобны моеи княгине и моим детем». ¹⁹ То же повторено и в духовной Ивана III (1504 г.).²⁰

Близость духовных Дмитрия Донского и Василия Темного обнаруживается не только в приведенной формуле, но и в соседних (о приказе детей княгине, о послушании старшего сына, о службе бояр). Причины этого предстоит еще выяснить особо. Для нас же важно, что свободу по завещаниям Василия Темного и Ивана III получают только высшие слуги, но не рядовые «люди». Впрочем, сама эта формула производит впечатление архаического пережитка. Жизнь ее давно уже обогнала. Казначей и дьяки великих князей давно уже не были холопами. В их числе мы находим видных политических деятелей, купцов и землевладельцев.²¹ Не заметно холопов и среди великокняжеских поселских. Словом, на практике складывалось положение, оформленное ст. 66 Судебника 1497 г.: «по городцкому ключю не холоп». Значение великокняжеских духовных, содержавших распоряжение об отпуске на свободу холопией администрации, и состояло в подготовке этой новой нормы Судебника 1497 г.

В приписной грамоте к духовной Василия II помещен следующий текст: «А которые дети боярьские служат моеи княгини, и слуги ее, и вси ее люди, холопи ее... и в тех в своих людех во всих волна моя княгини и в тех селех». ²² Из этого текста явствует, что у жены Василия Темного был собственный двор, на который не распространялось решение великого князя отпустить на волю «больших» людей.

Обратимся теперь к удельно-княжеским завещаниям. В завещании серпуховского князя Владимира Андреевича на свободу отпускались некоторые категории «людей» — бортники, садовники

¹⁸ Там же, № 22, стр. 61.

¹⁹ Там же, № 61, стр. 198.

²⁰ «А кто будет моих казначеев или кто будет моих дьяков прибытки мои от меня ведали или тиуни, или поселские или кто женился у тех, те все не надобе сыну моему Василью и моим детем, Юрию з братею» (там же, № 89, стр. 363).

²¹ Так, в 1450 г. казначеем был сурожанин В. Г. Ховрин (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 81), позднее — боярин Ивана III. С 1491 г. казначеем был Д. В. Овца-Ховрин (А. Л. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. Истор. зап., т. 63, 1961, стр. 182).

²² ДДГ, № 61, стр. 199.

и псаря, бобровники, делюи («на которого грамоты полные не будет»). Хотя в духовной князя (как, впрочем, и во втором завещании Дмитрия Ивановича) о судьбе «полных людей» прямо не говорится, но, судя по смыслу оговорки о «полных грамотах», они на волю не выходили, т. е. оставались княжеской челядью. В завещании вдовы князя Владимира, инокини Евпраксии (1433—1437 гг.), в числе ее холопов упоминаются «полные люди», которых ей передал ее супруг: «А что мои люди приданные и полные и что ми господин мой князь дал своих людей полных, и мои казначен, и тивунн, и поселские, и ключники, и хто в селех во всех полных людей, или хто ся у них женил, и яз тех людей всех отпустила на слободу з женами и з детьми. А снохи мои и мой внук тех людей по моем животе в холопи не ищут».²³ Как мы видим, формулировка близка к старомосковским (князей Семена и Ивана Ивановичей). Отпуск Евпраксией холопов на свободу имеет реальное объяснение: княгиня постриглась в монахини, и ко времени составления завещания у нее не было в живых детей мужского пола. Поэтому она и дала волю своим холопам.

Сходную картину можно наблюдать и в духовной Софьи Витовтовны, вдовы Василия I (1449—1452 гг.): «А что у мене, у великие княгини, колькое людей моих ни есть, и болших и менших, и яз их всех пожаловала, ослободила есмь их всех, по моем животе вси слободни».²⁴ Передавая свои села своему сыну Василию II и внучатам, Софья оговаривала, что живущие в них страдники также должны получить свободу («оприсно и страдников, страдники поидут на слободу»)²⁵ Сын Софьи ко времени составления духовной был великим князем, располагал собственным двором, поэтому княгиня-вдова могла свою челядь распустить на волю.

Зато сын Дмитрия Донского, Юрий Галицкий (1432—1433 гг.), у которого оставались сыновья Василий, Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка, даже не упомянул об отпуске на свободу хоть одного холопа.²⁶ Его детям предстояла упорная борьба за московское княжение, и вооруженная челядь должна была сыграть существенную роль в феодальной войне.

Двое из детей Василия Темного — Юрий Васильевич Дмитровский и Андрей Васильевич Вологодский — отпустили своих людей на свободу. Первый писал в своем завещании (1461 или 1471 г.): «А что мои люди... и те все на слободу, в те люди моя осподарыни, мати, великаа княгини, и господин мой, князь великий, не вступаются ничем».²⁷ Более лаконична формулировка в духовной князя Андрея Вологодского (1479 г.): «А что моих людей полных

²³ Там же, № 28, стр. 72—73.

²⁴ Там же, № 57, стр. 177.

²⁵ Там же, стр. 178.

²⁶ Там же, № 29, стр. 73—75.

²⁷ Там же, № 68, стр. 224.

и кабалных и приказных... то все на слободу».²⁸ Отпуск на свободу «людей» князьями Юрием и Андреем Васильевичами объясняется очень просто: у них не было сыновей, которым бы они могли завещать весь свой двор.

Такую же картину наблюдаем и в завещании бездетного князя Михаила Верейского (около 1486 г.): «... все мои люди, приказные и страдные, и з животиною, на слободу».²⁹ Князь Михаил был настолько «щепетилен», что отпустил на свободу чужих рабов, которых он «в своей вине» (своевольно) забрал у их хозяина: «А что еси у Ивашка у Селиверстова в своей вине взял его робу Федоску с детми да его холопа Гридка Онапына з женою и з детми... отпустил есми их на слободу, и грамоты есми им свои жаловальные отпускные подавал. А после моего живота Ивашку тех людей в холопи и в робы не искати».³⁰

Иная картина, когда после смерти удельного князя остаются еще его сыновья и удел продолжает существовать.

Вот в 1477 г. составляет завещание князь Борис Васильевич Волоцкий. К этому времени у него был только малолетний сын Федор (женился князь Борис в 1471 г.). Отправляясь в поход, князь завещал своей супруге 21 семью холопов («да даю своей княгине своих холопов»), причем «кто будет держал села от мое княгини на ее имя (возможно, из числа переданных ей холопов, — А. З.), или кто будет понял ее приданую, и те люди ее и есть». Княгиня должна была жить с его сыном «за один». Только остальные «люди» князя получили волю («А кого есмь не написал своих холопов в сю душевную, или кому есмь дал свою грамоту жаловальную на их дочери, и те все на слободу».³¹

Холопий двор волоцко-рузских князей был распущен в начале XVI в. В завещаниях вдовы князя Бориса, Юлиании, и ее младшего сына Ивана Борисовича Ружского (1503 г.) нет ни слова об отпуске на свободу «людей».³² Духовная старшего сына Федора, не имевшего сыновей, составлена после смерти Юлиании и Ивана. Здесь уже записано совершенно четко: «А что мои люди полные и кабалные, и те мои люди на слободу».³³ Бездетный брат Василия III, князь Дмитрий, в 1521 г. также пишет: «А што мои люди приказные и полные и кабалные, и князь бы велики пожаловал, те люди отпустил на слободу».³⁴ Дмитрий Иванович, следовательно, уже не сам отпускает своих людей, а просит своего державного брата выполнить его последнюю волю.

Итак, анализ духовных грамот великих и удельных князей не дает основания для вывода об обязательном отпуске на свободу

²⁸ Там же, № 74, стр. 277.

²⁹ Там же, № 80, стр. 305, ср. стр. 307, 310.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, № 71, стр. 251.

³² Там же, № 87, стр. 349—350, и № 88, стр. 351—353.

³³ Там же, № 98, стр. 409.

³⁴ Там же, № 99, стр. 414.

холопов по смерти завещателя. Волю получали, как правило, «люди» князей, не имевших прямых наследников мужского пола.³⁵ На свободу выходил также высший слой холопов — княжеская администрация (ключники, посельские, дьяки и др.).

Теперь переходим к разбору завещаний других землевладельцев Северо-Восточной Руси. Всего в нашем распоряжении 26 духовных XIV—XV вв. В пяти из этих грамот о холопах нет ни слова. Две грамоты сохранились в извлечениях.³⁶ Три содержат распоряжения только о землях.³⁷ Патрикей Строев был, очевидно, небогатым вотчинником. Он своим детям даже земли не оставил. Передав свое село в монастырь, Строев «приказал» свою жену и детей брату Константину.³⁸ Не было земель у Панкрата Чиня (он «приказал» жену и детей своему «свату»). Посельский Иван Грания владел небольшой пустошью, которую завещал в Спасо-Ефимов монастырь.⁴⁰ Все эти служилые люди, возможно, вовсе холопов не имели. В пяти духовных грамотах содержится распоряжение об отпуске всех холопов на свободу. Так, старец Давыд Климентьев (около 1424 г.) писал: «... люди есмь попушал на свободу».⁴¹ У него детей не было, и свою небольшую заводь под Мецдерским он передал в монастырь. Старец Симоновского монастыря Андриан Ярлык (1460 г.) распорядился так же: «А што мои люди полные, а те по моем животе пойдут на слободу, люди князя великого».⁴² Андрей (Андриан) Ярлык долгие годы был дьяком великого князя, а потом митрополита.⁴³ За это время он стяжал много земель, но перед смертью роздал их по монастырям, ибо завещать их ему было некому (детей у него не было).

Около 1478 г. по распоряжению умерших мужа и детей Мария Копнина решила после смерти освободить своих холопов: «А что мои люди — слуги и страдники, и те мои люди служат мне до моего живота; а после моего живота и они все на слободу».⁴⁴ Свою землицу она решила после смерти передать в Троицкий монастырь. Около 1482 г. на свободу отпустил своих холопов

³⁵ К такому же выводу недавно пришел Ю. Г. Алексеев, изучавший землевладение Переяславского уезда XV в. (Ю. Г. Алексеев, Крестьянин и холоп в феодальной вотчине XV в. Переяславского уезда. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г., Вильнюс, 1965, стр. 150).

³⁶ АСЭИ, т. I, № 486, и т. II, № 357.

³⁷ Там же, т. I, №№ 38, 456, и т. III, № 254.

³⁸ Там же, т. I, № 11 (1392—1427 гг.).

³⁹ Там же, т. III, № 68 (1482 г.).

⁴⁰ Там же, № 494 (до мая 1450 г.).

⁴¹ Там же, № 484, стр. 467.

⁴² Там же, т. II, № 361, стр. 355.

⁴³ Там же, № 93 (около 30—40-х годов XV в. — дьяк великого князя), № 354 (1453—1460 гг. — митрополичий дьяк), т. III, № 100 (март 1459 г. — митрополичий дьяк), № 40 (около 1459 г. он уже симоновский старец).
⁴⁴ Там же, т. I, № 326 (и комментарий к этой грамоте).

⁴⁴ Там же, т. I, № 457, стр. 344.

И. М. Плещеев,⁴⁵ а около 1483 г. такое же распоряжение составил М. И. Салтык-Травин.⁴⁶ Оба завещателя были крупными землевладельцами, но детей у них не было, и они решили раздать свои вотчины по монастырям, а дворы распустить. Интересна судьба одного из холопов Салтыка — Игнатия Черныша Уварова, упоминаемого в духовной («Черныш»). Когда Иван III «опалился» на Салтыка, то он распустил его двор и дал Чернышу в поместье деревню Голубовичи Водской пятини.⁴⁷

Итак, в нашем распоряжении имеется 16 духовных тех землеладельцев, которые перечисляют в завещаниях своих холопов. Среди завещателей мы найдем представителей всех прослоек светских феодалов — от служилой мелкоты до княжат и бояр.

По завещаниям можно изучить не только вопрос об отпуске на свободу холопов, но и представить себе численность челяди у служилых людей. Правда, при подсчетах перед исследователем встают серьезные трудности. Наряду с именованным перечислением «людей» в грамотах иногда встречаются неопределенные выражения: «а остальные на свободу». Именными называются главы семей, иногда отдельные лица. Состав семей указывается не всегда точно («с детьми», «с дочерьми» и т. п.). Поэтому мы предпочитаем пользоваться понятием «холопья семья», уже встречающимся в литературе, сознавая всю его условность.⁴⁸

Первая духовная, в которой перечисляются холопы, оставленные наследникам, датируется 1433 г. Принадлежит она Василию Васильевичу Галицкому.⁴⁹ Это был внук князя Дмитрия Иванича, лишившегося своего удела в 1362 г. У князя Дмитрия детей не было. Из трех братьев двое были боярами галицких князей:

---

⁴⁵ «А что меня благословил отец мой людьми, и те мои люди з женами и з детми все на слободу». На свободу отпускался также купленный сокольник (если он возместит стоимость покупки — три рубля), а также выкупленный у другого феодала холоп Максимка. Правда, Максимка должен был выплатить рубль, т. е. половину выкупной цены. Даже беглый холоп Федорец дяк получал свободу при условии уплаты двух рублей (там же, № 499, стр. 378).

⁴⁶ «А што мои слуги, то все и ж женами и з детми на слободу». Если бы у жены родился сын, то ему переходило бы пять семей холопов (там же, № 501, стр. 380). Завещание было составлено Салтыком в связи с походом «на вогуличи», но, очевидно, в действительности не вошло.

⁴⁷ К. В. Базилович. Новгородские помещики из послуживцев в конце XV века. Истор. зап., т. 14, 1945, стр. 69.

⁴⁸ Подсчеты производятся без конкретного учета состава отдельной семьи, т. е. в среднем. Условно мы считаем среднюю семью состоящей из трех человек (такова норма пошлин — с семьи три алтына, с одной «головы» — алтын; ДДГ, № 15, стр. 42 и др.). Этот расчет подтверждается конкретным материалом: у С. Лазарева было 14 холопов, образовавших пять семей (АСЭИ, т. III, № 67а). Если часть одной семьи по духовной выходит на волю, а другая остается в холопстве, то при подсчетах они считаются за две семьи. То же самое — в случае, если части одной семьи передаются двум наследникам или если у братьев или сестер есть свои дети.

⁴⁹ АСЭИ, т. I, № 108, стр. 86—87.

Борис — князя Юрия Дмитриевича в 1425 г.,⁵⁰ Федор — наместником Дмитрия Шемяки в Москве в 1447 г.⁵¹ Итак, перед нами один из представителей удельно-княжеской знати. Холопов его собственных и тех, которыми его «благословила мать», у него было всего 18 семей; 12 из них отпускались на свободу;⁵² пять перешло жене и дочери. В одном случае сказано, что Федоска Прибытков с семьею выходил на свободу, но пока «служити ему моей жене, а пойдет моя жена замуж, и Федко не надобен моей жене, ни моим детем». Это распоряжение ниже обобщено: «А пойдет моя жена замуж, а мою дочь бог возмет, и те люди все, что есми был дал своей жене и своей дочери, на слободу все». Такова была судьба холопей челяди выморочной вотчины феодала.

У Марии Петелиной ко времени составления духовной (40-е годы XV в.) сыновей в живых не осталось.⁵³ Петелина принадлежала к семье переяславских землевладельцев средней руки. В отличие от В. В. Галицкого, она ни одного холопа не отпустила на свободу: все 27 семей перешли к ее внуку Михаилу.

Сходно было положение дмитровских вотчинников Кушелевых. Где-то около 17 августа 1454 г. «инока» Ефросинья Семеновна, урожденная Кушелева, передает восемь семей своих «людей» сыну, а четыре отпускает на свободу (считая за семью и жену дьяка Андрея Татьяну, которая также не была передана сыну Ефросиньи).⁵⁴ В их числе волю получила жена одного из холопов, переданных сыну Кушелевой. Феодалы не склонны были считаться с семейными узами своих «людей».

Примерно в то же время (до января 1455 г.) завещание написал муромский вотчинник средней руки Василий Матвеев (Ивантин).⁵⁵ У него было два сына. Старший, Григорий, получал семь семей холопов; младший, Василий, — 18 семей. Кроме того, четыре семьи «людей» Василия по истечении ряда лет службы (трие после пятилетней, а четвертый холоп после восьмилетней) должны были выйти на свободу. «А которые мои люди в сей духовной не писаны, — прибавлял Василий Матвеев, — и те все люди на слободу». Если условно считать, что не упомянутых в завещании холопских семей было до трети всего состава челяди (т. е. до 14 человек), то всего несвободных людей у Матвеева было около 43 семей. Возможно, эта цифра несколько завышена.

Небогатым белозерским вотчинником был Насон Захарын сын Ильин (третья четверть XV в.). Его приданные земли находились

⁵⁰ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 168.

⁵¹ Там же, т. XII, стр. 72.

⁵² Собственно говоря, на свободу отпускались 11 семей. Но в завещании упомянута половина Рязановых детей, переходившая к жене и дочери Галицкого. Очевидно, вторая половина получала свободу, и лишь случайно об этом не было записано в духовной.

⁵³ АСЭИ, т. I, № 228, стр. 162.

⁵⁴ Там же, № 251, стр. 179—180.

⁵⁵ Там же, № 253, стр. 182.

в закладе у князя Давыда Кемского. Заложил он свои владения и неким Вислу, Фоме Бесстужеву, Ивашке Исаину и зятю Семену. Только половину земли Нуховской, заложенной белозерскому князю Михаилу Андреевичу за рубль, удалось выкупить самому Насону. Не мог похвастаться Насон Ильин и численностью своей челяди. У него было 15 холопных семей, да и те он получил в наследство от своего отца. 12 семей он завещал двум сыновьям. Три человека находились в бегах, но и «те холопи и роботы моим детям, где их ни залезут». Чтобы соблюсти обычай освобождения части людей, Ильин отпустил «на свободу» четырех девушек, оставив в холопстве их родителей, братьев и сестер.⁵⁶

Около 5 марта 1459 г. духовную составил мелкий суздальский землевладелец Есип Дмитриев сын Окинфова.⁵⁷ Сыновей после него не осталось — отсюда и характер завещательного распоряжения. Получив по наследству несколько холопных семей, Есип Окинфов пять из них отпустил на волю («люди ж божьи да великого князя»). Одна семья завещана была брату Есипа, Тимофею. Впрочем, у Есипа была малолетняя дочь, которая (в случае, если она «будеть... жива») получала три семьи холопов, выделявшихся из состава семей, отпущенных на волю. Одну девушку (из семьи отпущенного на свободу Шпиля) Окинфов заложил в рубле (обычная холопья цена) некоему Федьке и теперь отдал распоряжение ее выкупить. Жена завещателя получила всего две семьи. Их составляли жена ее приданого «паробка» с дочерью и приданная женка Бухарица. Впрочем, муж Бухарицы, «паробок» Окинфова Гридица, отшускался на свободу. Всего у Окинфова было 8—13 семей холопов. Размеры земельных владений феодала в целом соответствовали численности его «людей».

Радонежский волостель Иван Прокофьев писал свою духовную в начале 1470 г., постригшись в монахи.⁵⁸ Несмотря на то что ему подобало бы думать больше о духовных делах, чем о мирских, Прокофьев оказался рачительным хозяином. Землицы и холопов у него было немного, и поэтому он распределил все свое имущество с особенной тщательностью. Сестра Матрена получала трех холопов и «роб». Сын Тимофей получил паробка и женку, Андрей — две семьи, Яков — три семьи, Иван — одну семью, внучка Настасья — девочку Килликецу. Четверо холопов бегали, но продолжали считаться «людьми» наследников Прокофьева. Четыре семьи «полных людей» получали волю. Всего у Ивана (Иова) Прокофьева было 16 небольших по размерам семей.⁵⁹

⁵⁶ Там же, т. II, № 168, стр. 104.

⁵⁷ Там же, т. III, № 100, стр. 137.

⁵⁸ Там же, т. I, № 394, стр. 286.

⁵⁹ Эти «семьи» образовывали главным образом единичные холопы — в 13 случаях. «Условных» семей (по три человека) было бы у Прокофьева 7—8.

Богатым феодалом был Александр Белеутов: он владел двумя крупными селами Дмитровского уезда.⁶⁰ В 1472 г. Белеутов завещал своей жене и трем сыновьям 14 семей холопов, пять «полных холопов», четверых «своих людей старинных», трех «самои жены люди приданные». Шесть семей были в бегах. На свободу отпускалось по одному или несколько человек из каждого холостого семейства: в двух случаях по одной дочери, в одном — отец и мать с дочерью и сыном (остальные четверо детей оставались холопами), мать с сыном, или просто сын, или муж приданой «девки» (с сыном от первой жены), или одна жена. Два случая представляют особый интерес. На свободу мог выйти Родион с семьею, заплатив 6 рублей жене завещателя. По приписке на грамоте следует, что «Родивон дал с себя и с своей жены и с своих детей окуна шесть рублей», т. е. вышел на волю. На свободу вышел и Войдан с женою и дочерью. Он должен был отслужить «свой срок» (10 лет) и выплатить к тому же 1 рубль (десятилетняя работа засчитывалась за другой рубль). Войдан мог и просто выплатить 2 рубля без службы («не отслужат своего урока, ино дадут оба рубля»). Это и было им сделано, как это отмечено в приписке на духовной. Всего освободившиеся холопы образовали 11 семей.

В начале 40-х годов XVI в. только один из сыновей Белеутова, Дмитрий, владел уже более чем 30 семьями холопов.⁶¹ Ни о каком уменьшении состава челяди, следовательно, говорить не приходится. Происходил даже заметный рост численности «людей» феодалов.

Степан Лазарев, судя по его завещанию (1473 г.), был небогатым, но предприимчивым землевладельцем Звенигородского уезда.⁶² Когда-то его отец купил деревеньку, сам он прикупил другую и еще кое-какую землицу. 12 человек должны были ему по полтине или рублю. Беда его была в том, что у него осталось семь сыновей, которых ему нужно было как-то обеспечить. Всего у Лазарева до составления завещания было пять семей холопов — из 14 человек (одна семья некоего Зиновки — 7 человек). Старший сын Митюка Звониха получил одного «паробка», другой (Михаил Большой) — «дивочку», дочь некоего Зиновки, третий — «жеонку» с сыном и «третью сиротину» (т. е. дочь) Зиновия. Жене Лазарев дал «девятиро людей полных» — три семьи (в их числе сам Зиновка с двумя дочерьми и сыном), которыми

⁶⁰ Составитель АСЭИ (т. III, № 67, заголовок) считает А. Белеутова звенигородским землевладельцем. Это ошибка: села Богородское и Личицево находились в Дмитровском уезде. Грамота должна включаться в состав архива Волоколамского монастыря (АФЭХ, ч. II, №№ 66, 119, 141 и др.). Отец завещателя, боярин Федор Александрович Белеутов, в 1452 г. был послом Василия II в Новгород (ПСРЛ, т. XVI, стб. 477; ср.: АФЭХ, ч. I, № 29).

⁶¹ АФЭХ, ч. II, № 172, стр. 164—166.

⁶² АСЭИ, т. III, № 67а, стр. 100—102.

она должна была поделиться с меньшими детьми. Только одна «жонка полная» отпускала на свободу.

Сходно было владельческое положение старца Троице-Сергиева монастыря Вассана (Васплия) Уварова. Его небольшая по размерам «землица Уваровская»⁶³ переходила по завещанию (около 1475 г.) в Троицкий монастырь.⁶⁴ Правда, его сын Юрий мог выкупить ее за 6 рублей, но он этого не сделал. Позднее Игнатий Черныш и Якуш Черный Уваровы вошли в состав холопов-послужильцев Ивана Салтыка Травина.⁶⁵

Своей дочери Вассан Уваров завещал две семьи холопов, сыну Юрию — четыре семьи (два сына Никифора Монастыря, Павел Демни с семьей, Захарец Алексеев и Ефим Черемисинов). Свободу получил Никифор Монастырь с остальными членами семьи, Дема Ларионов с женой и дочерью. За освобождение своего сына Ивана Дема должен заплатить зятю Уварова «откупа» полтора рубля. Наконец, на волю отпущены брат Ефима Черемисина — Борис, Иван Алексеев с дочерью и Алексей Ларионов с женою и дочерью. Ларионовы должны были отслужить год сыну Уварова.⁶⁶ Итак, у самого Вассана в свое время было шесть семей «людей» (32 человека). Из них он выделил еще пять, отпустив ряд холопов на свободу.

Или вот, например, небогатый вотчинник Григорий Львов. Около 70-х годов XV в. он владел четырьмя деревнями, почином и пустошью в Бежецком уезде.⁶⁷ Своей жене, шестерым сыновьям и трем дочерям он смог завещать всего трех холопов. Об отпуске кого-либо на свободу не могло быть и речи.

Около 1496 г. составил завещание Василий Остафьев сын Сотницкого.⁶⁸ Это был рядовой служилый человек, владелец села в Суздале, 5 деревень и стольких же пустошей. Своих полных холопов (7 семей) он завещал своей жене. Она же получала право распоряжаться ее придаными людьми.⁶⁹ Две «девочки» отпуска-

---

⁶³ В 70-х годах XVI в. она была пустошною и насчитывала 69 четвертей поросней лесом пашни (ПКМГ, ч. I, отд. I, стр. 75).

⁶⁴ АСЭИ, т. I, № 450, стр. 337—338. — Землица эта особенных средств Уварову не давала, но все же он кредитовал восемь семей крестьян и своих родичей 74 четвертями ржи.

⁶⁵ Якова Черныша и Ивана Зубатого Уваровых как холопов упоминает Иван Салтык в духовной (там же, № 501; ср.: РИБ, т. XXII, стр. 29; НПК, т. III, стр. 593).

⁶⁶ «А послужат те люди моему сыну... год, а отслужив год, пойдут прочь свободны».

⁶⁷ АСЭИ, т. I, № 472, стр. 357—358. — Были небольшие владения у него и на Безозере около 1448—1470 гг., — см. там же, т. II, № 104, стр. 64.

⁶⁸ Там же, т. III, № 473, стр. 455—458. — Духовная была подтверждена в сентябре 1510 г. Составлена она в бытность «на службе великого князя в Казани». В 1496 г. отправлено было войско в Казань во главе с С. И. Рязполовским (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 328).

⁶⁹ «Што мое люди приданые, волна жона моя в тех».

лись на волю, а одна «жонка» должна была отслужить жене Сотницкого пять лет, прежде чем она могла выйти на свободу.

Мы познакомились с составом челяди мелких и средних феодалов. Теперь посмотрим, каково было положение верхов служилого класса.

Вот два брата Плещеевы (один из них, Андрей, был окольным еще в 1475 г.).⁷⁰ Но какая разница в их завещательных распоряжениях! Иван (или Иона) Михайлович около 1482 г. отпустил всех своих холопов на свободу, ибо у него не было сыновей и имущество было выморочное.⁷¹ Совершенно иначе распорядился своими людьми Андрей Михайлович Плещеев (около 1491 г.).⁷² Это был богатый землевладелец. После его смерти оставалось пятеро сыновей. Каждый из первых четырех сыновей получал по селу и ряду деревень в Переяславском, Ростовском и Дмитровском уездах. Младшему сыну, Афанасью, его мать должна была дать 30 рублей и деревеньку Московского уезда, которая до его совершеннолетия находилась в ее распоряжении. Многие пустоши, поля и деревеньки были прикуплены самим Плещеевым. О размерах плещеевских владений можно судить уже по тому, что «серебра» (долга) на крестьянах его сел и деревень было около 125 рублей. Плещееву были должны различные лица внушительную сумму — 109 рублей. Всего у Плещеева было 73 семьи холопов. Первые четыре сына завещателя получили по 12 семей, а жена с Афанасьем — 16 человек. На свободу было отпущено девять семей. При этом дети троих освобожденных «людей» (Степана Чиркина, Фильки Мельника и Терехи Кузнеца) оставались в холопстве.

Для сравнения обратимся к завещанию третьего брата Плещеева — Петра (составлено между декабрем 1505 г. и февралем 1510 г.).⁷³ К сожалению, сведения о холопах здесь неполны (не указаны поименно люди, которые «сын мой Иван, живучи, у меня писал на свое имя»). Но известно, что к старшему сыну должны были перейти 10 семей «данных слуг и страдников», к Ивану — более четырех, к Андрею — 18 семей. Об отпуске кого-либо на свободу грамота молчит. Итак, у младшего Плещеева было более 32 холопских семей.

Вот еще один крупный политический деятель времени правления Ивана III, боярин В. Б. Тучко-Морозов. Свое завещание он писал около 1497 г.,⁷⁴ т. е. уже после того, как в 1483 г. попал

⁷⁰ ДРК, стр. 11, 14 (1485 г.).

⁷¹ АСЭИ, т. I, № 499, стр. 378.

⁷² Там же, № 562, стр. 439—442.

⁷³ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV. М., 1917, № 944, стр. 309—312. — В грамоте упоминается поход «в Гамскую землю» 1505 г. (ДРК, стр. 22). Подтверждена она в феврале 1510 г.

⁷⁴ АСЭИ, т. I, № 612, стр. 523—525.

в опалу, а его двор был распущен.⁷⁵ (Позднее боярин был прощен и во всяком случае часть владений получил обратно).

Своему сыну Михаилу он завещал 60 холопных семей (из них 14 «людей страдных»). Трое из них, правда, находились в бегах. Как мы видим, после роспуска своих слуг В. Б. Морозов сумел вскоре снова восстановить свой двор. Сколько боярин холопов отпустил на свободу, остается неясным. В завещании сказано в общей форме: «А что мои холопи и роботы в сей духовной не писаны, тех всех людей отпустил есми их на слободу, до тех людей сыну моему Михаилу дела до них нет. А приказники мои тем людям дают свои грамоты отпустные».

Картина холоповладения боярства в уделах в конце XV в. примерно такая же. Если Д. К. Хворостинин, небогатый волоцкой землевладелец, владел 10 холопными семьями (около 1507—1515 г.),⁷⁶ то князь Андрей Федорович Голенин имел в своем распоряжении к началу 1482 г.⁷⁷ сотню семей «полных людей», не считая беглых. Голенин — видный боярин волоцкого князя Бориса Васильевича. В 1477 г. он был даже одним из двух душеприказчиков своего патрона.⁷⁸ У князя Андрея было три сына: Иван, Семен и Андрей. Андрей Андреевич сначала служил младшему сыну князя Бориса Волоцкого — Ивану Рузскому, а затем Юрию Ивановичу Дмитровскому и Рузскому.⁷⁹ Своим трем сыновьям — Ивану, Семену и Андрею — он дал соответственно 18, 13 и 12 семей холопов, а жене Марье — 34. На свободу было отпущено 23 семьи. Те, у кого были доспехи, данные им Голениным, должны были вернуть их жене князя («А которых есми людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, — и жена моя те пансыри и шеломы поемлет»). Правда, из числа холопов Марьи Голениной Лопата с его взрослым сыном и их жены могли выйти на свободу, заплатив 13 рублей «по кабале». Они этим правом и воспользовались, как можно судить по помете на духовной. Гриша Зубатый с женою, если «возмогут с себя дати семь рублей жене моей по кабале», также могли обрести свободу. Но, очевидно, они так и остались в холопах.

Наиболее крупным из известных нам холоповладельцев был виднейший политический деятель конца XV в. — князь И. Ю. Патрикеев.⁸⁰ Всего у него было 146 холопных семей,⁸¹ не считая части

⁷⁵ В. Б. Морозов был «пойман» осенью 1484 г. (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162).

⁷⁶ АФЗХ, ч. II, № 40, стр. 41.

⁷⁷ Там же, № 15, стр. 18—20.

⁷⁸ ДДГ, № 71, стр. 251.

⁷⁹ ДРК, стр. 19, 31, 33, 37, 41. — Позднее Андрей Андреевич стал монахом Волоколамского монастыря (см.: ГИМ, Синод, № 927, лл. 21 об.—24 об.; АФЗХ, ч. II, №№ 16, 41, 42, 71, 112, 135, 302). Со вдовой А. Ф. Голепина переписывался Иосиф Волоцкий (И. П. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 255—260).

⁸⁰ ДДГ, № 86.

⁸¹ По подсчетам Б. Д. Грекова, у Патрикеева было 155 холопов с семьями (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 521).

холопов, не упомянутых в грамоте («А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди все на слободу и с женами и с детми»). Своему старшему сыну, Василю (будущему видному публицисту Вассиану Патрикееву), он передает 35 семей; другому сыну, Ивану, — 43 семьи; жене — 45 холопских семей. 29 семей получили свободу. Среди них — шесть ключников и трое холопов-послужильцев («с землею»).

Итак, судя по сохранившимся материалам, у рядового землевладельца в XV в. было около одного-двух десятков холопских семей, а у знатного феодала — от 70 до 100, достигая в исключительных случаях 150 семей.

Факт отпуска холопов по завещаниям на волю в XIV—XV вв. несомненен. Все «люди» отпускались на свободу только в случае выморочности владений феодала (таких семь грамот). Крупные феодалы освобождали от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ части своих людей (А. М. Плещеев, И. Ю. Патрикеев, А. Ф. Голенин), средние и мелкие — $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ (И. Прокофьев, Е. Кушелева, В. Сотницкий). Иногда свободу получали отдельные холопы, выделенные из состава тех семей, которые передавались наследникам (В. Уваров, С. Лазарев, А. Белеутов, Н. Ильин). А некоторые мелкие землевладельцы предпочитали вовсе не освобождать своих немногочисленных людей (Г. Львов, М. Петелина). Если говорить об отпуске холопов, то он вряд ли объясняется экономической невыгодностью труда дворовой челяди и изживанием холопства. В его основе еще лежали те же причины, которые заставляли феодалов давать земельные вклады «на помин души». Поэтому С. Б. Веселовский не без основания пишет, что «участию духовенства в составлении и утверждении духовных завещаний следует приписать очень распространенный в XV—XVI вв. обычай отпускать перед смертью рабов на свободу».⁸²

В целом же, на протяжении XIV—XV вв. мы не видим увеличения отпуска холопов на свободу. Возможно даже, что абсолютная численность холопов (в связи с ростом феодального землевладения и народонаселения) к концу XV в. несколько увеличилась. И все же удельный вес несвободной челяди в хозяйстве феодала к концу изучаемого периода, очевидно, уменьшился. Однако это произошло не из-за развития практики отпуска холопов на свободу, а за счет увеличения эксплуатации основной массы крестьянства. Рост денежных и натуральных поборов, постепенное привлечение с конца XV в. крестьян к барщине светскими феодалами уменьшали в общей сумме доходов, полученных ими, часть, шедшую от эксплуатации «полных людей». Удельный вес холопов в экономической жизни страны с конца XV в. начал падать.

---

⁸² С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 219.